

8 АПР 1944

Д. ТАЛЬНИКОВ Островский о русском театре

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, также как и академии, университеты, музеи»

Островский.

Крупнейшим вкладом в наше театроведение является выпуск в свет собрания архивных материалов литературного наследия А. Н. Островского — в большинстве своем до сих пор неопубликованных, всей его театральной публицистики.

Книга появилась в Ленинграде в тяжелейшие дни блокады, и потому тираж ее в свое время не вышел за пределы города и книга осталась неизвестной даже многим специалистам. Между тем значение опубликованных документов исключительно велико. Мы находим здесь множество принципиально важных мыслей великого драматурга о развитии русского театрального искусства.

Тяжелые моральные переживания обуревали Островского, когда он работал над этими своими записками, задыхаясь в атмосфере, созданной «чиновниками» от искусства. Нельзя без волнения читать его признания брату (1884): «я 3 года распинаюсь, забываю свое дело, ночи не сплю, пишу, доказываю... мечтаю принести пользу русскому драматическому искусству...» Его глубоко печалит оскудение русской сцены, «образцовой московской труппы, по полноте и обилию талантов, по сценической подготовке — лучшей в Европе».

Одной из основных причин упадка театра Островский считает забвение русских классических пьес и заполнение театра или издательствами разных «аматоров-недоучек и фэзеров-ремесленников» или потоком переводных пьес. «Императорский Малый театр (в результате этого) давно перестал быть русским: в центре земли русской он стал каким-то международным театром» (?).

Выход из создавшегося к 80-м годам на русской сцене положения Островский видит в неотложной задаче создания в Москве — сердце России — нового образцового театра — «русского театра, национального, всероссийского». «Прежде всего нужен в Москве русский театр» (выделено Островским), ибо «...национальный театр возбуждает народный патриотизм». Этот новый театр, по мысли Островского, должен непременно быть демократическим, общедоступным театром — идея, которую через 20 лет поставил в программу своей деятельности «Художественно-общедоступный театр».

Подлинно «русский национальный театр», по мысли Островского, должен быть театром не только классического и национального репертуара, но и новой сценической культуры.

Идейная позиция Островского в этом вопросе — одно из убедительнейших свидетельств того, что новый русский театр возник в результате органически-самобытных потребностей русского искусства. Интересно отметить, что проблема новых путей сценического искусства поставлена Островским так решительно и четко еще до первого (в 1885 г.) приезда в Москву мейнингенского театра. В свете материалов книги роль Островского в русском театре встает в особом значении не только как великого драматурга, истинного создателя русской национальной драматургии, но и как корифея передовой театральной мысли, теоретика, намечающего новые пути в развитии театральной эстетики. Материалы книги характеризуют его, как прямого предшественника замечательных деятелей русского театра — А. П. Ленского и К. С. Станиславского.

«В настоящее время, — пишет он в 1884 г., — во всех искусствах господствует направление правдивое, — и писатели и художники стараются подойти как можно ближе к правде».

Центральное место в опубликованных материалах занимают взгляды Островского на организацию спектакля, как результата не только актерского творчества, но целого ряда сложных компонентов, образующих представление о спектакле, как синтетическом целом.

«У нас есть русская школа живописи, — пишет Островский, — есть русская музыка, позволительно нам желать и русской школы драматического искусства. Мы должны начинать сначала, должны начинать свою родную русскую школу, а не слепо идти за французскими образцами».

Увидавши позже мейнингенцев, он предупреждает и от опасности «передразнивания» их, решительно отвергая их натуралистический метод. Высказывания его о мейнингенцах, «приговор» его им («более справедливого, но и зато более строгого приговора, какой сделают москвичи, мейнингенцам нигде не дожидаться!») — исключительно интересны по точному методологическому анализу мейнингенского искусства. В частности, характерно его резюме о сценическом натурализме: «По-немецки это, может быть, и хорошо, а по-русски нигде не годится».

В связи с новыми, возникающими перед русским театром задачами Островский ставит самое возрождение театра в зависимость и от «состава труппы», от актерского мастерства и от «режиссерской части». В одной из поданных им по начальству «Записок» он указывает, что режиссура русская «может быть поставлена на ту высоту, на какой она стоит в лучших театрах Европы и на какой ей следует стоять в образцовом русском театре».

Островский много говорит о характере постановок, декоративном оформлении, внутренней, творческой организации спектакля.

Островский требует «правды» сценической обстановки, в которой актер должен черпать ощущение жизненной правды происходящих на сцене действий. Далее он подробно останавливается на требованиях «дисциплины» в театре — «художественной дисциплины», — говорит о «единстве» и «стройности» исполнения, о задачах ансамбля — о решительной борьбе со «штампами», «рутиной» в актерском искусстве, с такой распушенностью актерской, как «игра на вызов», искание «выигрышных ролей», «премьерство».

Очень много и специально останавливается Островский на проблеме воспитания актера и задачах этого воспитания. И здесь он не только подытоживает великий опыт русского сценического прошлого, но и пролагает новые пути, предвосхищая будущие завоевания русского сценического мастерства.

Книга статей Островского — ценный и актуальный вклад в сокровищницу русской театральной мысли.

Игорь Ильинский в роли Мурзавецкого («Волки и овцы» в Малом театре).

Рис. А. КОСТОМОЛОНКО.